

АЛЬМАНАХ

Современникъ

в честь 130-летия
со дня рождения Михаила Булгакова

№ 6 (26)

2021

Московская городская
организация
Союза писателей России

Малый журнал
с большой историей.
Его зачитали до дыр
несколько поколений!

**Альманах
Лия Бобровская
Альманах «СовременникЪ»
№6(26) 2021 г. (в честь 130-
летия со дня рождения
Михаила Булгакова)
Серия «Альманах
«СовременникЪ» 2021», книга 6**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67078316

*СовременникЪ: выпуск 6 (26) (Сборник, посвященный 130-летию
Михаила Булгакова)/сост. Лия Бобровская: Интернациональный Союз
писателей; Москва; 2021
ISBN 978-5-907451-54-4*

Аннотация

Празднование юбилея Михаила Булгакова продолжается!

Под обложкой нового «Современника» – стихи и проза разных тем и жанров. С ними можно будет приобщиться к красоте и задуматься о чудесах, которые, кстати говоря, необязательно будут добрыми. Найдут свое увлекательное чтение те, кто любит

улыбнуться и даже посмеяться над книгой, хотя после веселья, возможно, появится желание поразмышлять о чем-то серьезном. Экспериментальное и авангардное творчество привлечет тех, кто не хочет оставаться в стороне от нового, а для тех, кто с интересом и уважением смотрит в прошлое, подробности о нем раскроют свидетели былых лет в своих воспоминаниях.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

Предисловие	9
Ольга Вологодская	11
Приговор по Шекспиру	14
Мои Одра и Дек	22
Солянка для Достоевского	26
Александр Громогласов	30
Свеча	32
Мы недовольны часто жизнью	34
Нет выходных дней у любви	36
Что мы оставим нашим детям?	38
Свой путь	40
На что мы тратим наше время?	41
Башмаки	43
Как хорошо, что есть суббота!	45
Колесо жизни	47
L'amour perdu	49
Жизнь у Поэта как знаменье!	50
Валерий Грунер	52
Сказки Дядюшки Гру	54
Пять частей из цикла «ГРИШКИН ДОМ»	54
I	54
II	56
III	61

VII	64
VIII	69
Павел Елисеев	77
Рожь	79
Как по травушке да по зелёной...	81
Обещай, что меня не полюбишь...	83
Весна, шагнувшая апрелем...	85
Я люблю тебя	87
Подснежник	89
Тенью в тело вцепилась безликость...	91
Не смей смеяться...	92
Стоя на грани сумасшествия...	94
Завяли розы белые, завяли...	96
Ночь зажгла фонари...	97
Конец ознакомительного фрагмента.	98

СовременникЪ: выпуск 6 (26) (в честь 130- летия со дня рождения Михаила Булгакова)

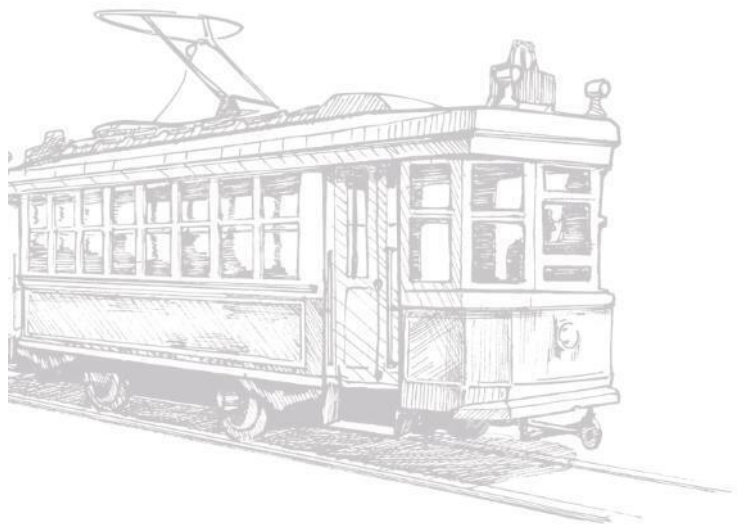
Приложение к журналу «Российский колокол» Московской городской организации Союза писателей России,

Литературный центр Петра Проскурина
Издается с 2019 года

© Интернациональный Союз писателей, 2021

Предисловие

Празднование юбилея Михаила Булгакова продолжается, и его знаменует новый выпуск «Современника» – подарок нашим читателям.

Мы привыкли смотреть на мир как на что-то обыденное и привычное, поэтому не замечаем происходящих вокруг странностей и тех чудес, которые преподносит нам жизнь.

Но «чудо» не просто так созвучно с «чудовищем», и потому далеко не все они добрые. Иногда можно рассмотреть что-то такое, что неприятно или даже страшно знать, но все-таки стоит. Кто предупрежден, тот... не то чтобы вооружен, но, скорее, защищен разумным опасением или умением посмеяться над неприглядным. Булгаков владел и тем и другим искусством, и приятно признавать, что есть писатели, которые в этом следуют за ним.

И все же есть другие чудеса. Они радуют, учат, врачуют душу, а иногда спасают – буквально от смерти или чего-то худшего. Они могут быть предназначены для одного человека или принадлежать всему человечеству, всем, кто будет готов их воспринять. Сбереженная память о них – и сама по себе чудо, равно как и возможность ею поделиться, чтобы ощутить отклик. Ведь от этой постоянной передачи сквозь страны и века они не только не истираются и не тускнеют, но словно бы сияют еще чище.

И, наконец, есть чудеса, которые каждый человек носит в своей душе, но не всегда готов открыть даже себе самому, не говоря уже о других. Это чудеса восприятия, понимания и постижения, когда жизнь поворачивается особой, новой стороной, играет необычными красками, которые придает ей Слово.

И это чудо Слова уже нельзя забыть, оно пребывает с писателем и после того, как он поставил последнюю точку, а с читателем – когда он закроет книгу, сохранив впечатления о ней.

Хотите в этом убедиться? Тогда приятного чтения.

Ольга Вологодская

Родилась 13 августа 1970 года в Вологодской области. Выросла и окончила школу в Костромской области, с. Павино. С 1988 года живёт в Крыму. Окончила Симферопольский государственный университет по специальности «история».

Всегда много читала, не думала, что начнёт писать сама. Но однажды дала слово сыну, что издаст книгу детских сказок, тех самых, что сочиняла по ночам. Так началась её история как писателя. В 45 лет.

С 2020 г. – член Интернационального Союза писателей и Союза писателей Республики Крым. В 2021 г. окончила курсы им. Чехова при Интернациональном Союзе писателей. Считает важным для себя овладевать литературным мастерством и дальше.

Печаталась в сборниках «Современник», «Российский колокол», «Ковчег-Крым», крымско-татарской газете «Къырым».

В «Современнике», посвящённом Булгакову, представляет первые работы для взрослых.

Приговор по Шекспиру

Те смельчаки, что в первый день процесса откопали и размуrowали сундуки с рукописями и книгами либо восставили файлы с запрятанных миниатюрных носителей, сей ночной порой спешно стирали, закапывали, замуrowывали и даже сжигали.

Всё началось по вине профессора литературы и психологии Андрея Рассказова. Миллионы гадали (кто на кофейной гуще, кто на облаках), отчего профессора в жёлтый дом не умыкнули подобно всем его предшественникам. История не могла припомнить столь длительного процесса аутодафе. Одни поговаривали, что мэр решил развлечь публику, вторые утверждали, что это пиар винтажной прессы, третьи так и вовсе одичали – кричали на всех сайтах о торжестве книгомании, прославляли в соцсетях честное правосудие и даже объявили начало новой эпохи Вырождения. Одно было ясно и не подлежало сомнению: Андрея Рассказова судили шесть месяцев и сегодня ему наконец объявят приговор.

В зал суда допустили лишь самых именитых графоманов и кропателей. Кондиционер зашипел на рассвете, и важные лица потели в разноцветных шелках, сидя на жёстких неудобных стульях в надежде на скорый вердикт судьи.

– Встать, суд идёт!

«Лишь эта фраза не меняется столетиями», – подумал Ан-

дрей, разглядывая лицо судьи.

Он не боялся, что тот поймает его за этим занятием. Судью можно рассматривать, гипнотизировать, строить ему рожи, тот всё равно на профессора не взглянет. За шесть месяцев – ни разу. Поразительная шлифовка. Куда угодно – только не на подсудимого. На свидетелей, обвинителя, охранников, паутину, застрявшую в облупленных углах. Конечно. Потолки пять метров высотой, вот и вьют себе домишки паучишки. Раз в год уборщик притаскивает шаткую стремянку и, крихтя, взбирается на неё, чтобы веником смахнуть святыне жилища пауков.

Судья включил тонкий сенсор на панели стола и кивнул главному обвинителю.

Тот суховато кашлянул, покрутил пол каблуком лакированной синей туфли и триумфально выкрикнул:

– Вызывается свидетель Шёлковое Перо.

Судья поморщился от цокота металлических набоек. На свидетельский стул церемониально воссела тощая дама в розовом. «Барби 60».

– Клянусь говорить правду, только правду и ничего, кроме голой правды.

– «Голой» – это лишнее, – поправил судья.

Зал хохотнул – развлечение. Свидетельница поправила шляпку и посмотрела на главного обвинителя. Он ободряюще кивнул ей. Дама успокоилась.

Главный обвинитель был краток. А как ему хотелось блес-

нуть в последний день. Чёртов кондиционер.

«Нет ли здесь чужого умысла?» – мелькнула мысль перед началом опроса.

– Скажите, что вы слышали, стоя под дверью аудитории, где профессор Рассказов читал лекции?

Дама в розовом приосанилась, её кривой палец с напыленным на него огромным перстнем с кровавым камнем ткнул в Андрея Рассказова:

– Свидетельствую, что лично слышала, как подсудимый заставлял несчастных студентов, этих неоперившихся птенчиков, изучать мерзкие, толстые, извращённые текстники Достоевского.

– Ах, – прошелестело по залу.

– Толстого, – продолжила дама.

– Ах, ах, какой ужас.

– Льва Толстого, – уточнила свидетельница.

– Не может быть. Ух, вы слышали, даже не Алексея, а Льва, вы подумайте, какое иезуитство, – лиловые, голубые и жёлтые шляпки запрыгали в возмущении.

– Кафку, – продолжала перечень тощая дама в розовом, подглядывая в бумажку, запрятанную в широком рукаве.

– Ох, мне плохо, Вафку, – простонала фиолетовая дама в первом ряду. – Откройте окно, мы задыхаемся.

Охранник щёлкнул заржавевшими шпингалетами, и вместе с жарким воздухом в зал ворвалась парочка упитанных шмелей. Дамы замахали бумазейными шляпками, и шмели

с громким недовольством взмыли вверх, где угодили в плен к изголодавшимся паукам.

– Продолжайте, мадам, – главный обвинитель незаметно подмигнул престарелой Барби.

– И ещё, – тут дама запнулась.

– Говорите, вас не осудят за это имя, – длинный перст главного обвинителя взмыл в потолок.

– Хорошо, я скажу, но это последнее. Ик-Ик. Ещё обвиняемый заставлял студентов читать Джойса. – Имя Джойса дама почти прошептала.

Судье пришлось колотить молотком три минуты, прежде чем зал затих.

Свидетельница процокала к своему стулу и покрылась алыми пятнами, когда сосед-толстяк в зелёной пижаме шепнул ей в корявое ушко:

– Вы отважная женщина, мадам.

Второй свидетель, третий, четвёртый, пятый. Судья знал их всех: Клинописец, Остроручкин, Бейбумага, Читивоножка, Скоропалый.

Бумагосжигатель был последним, и после его высокопарных сказаний о том, что студенты профессора Рассказова писали с помощью потока сознания, дамы трагически заломили руки, оплакивая поломанные жизни бедненьких несмышлёнышей. Охранники смущённо почёсывали затылки, пытались вспомнить, когда это судили всех этих Кафок, Джойсов и Толстых.

– Свидетели допрошены, достопочтимый судья. Можно огласить приговор, – шаркнул туфлей главный обвинитель.

– А как же последнее слово? И где адвокат подзащитного?

Главный обвинитель посинел, знаменитости сшиблись лбами, повернувшись одновременно к выходу. Судья залпом выпил стакан воды. Такого эти стены не слышали. Судья на-прягся. Нет, при его жизни эти стены точно такого не слышали.

Незнакомый всем мужчина в чёрном прислонился к дубовой шероховатой двери, левая рука его при этом играла тонким гусиным пером.

– Настоящее перо, – дамы взвизгнули, одна из них потеряла сознание, мужчины завопили:

– Арестуйте его.

Охранники, подпиравшие стены, кинулись к незнакомцу, но неведомая сила пришпилила их обратно. Незнакомец двинулся по проходу, уселся рядом с подсудимым, предварительно шепнув ему:

– Я Уильям.

На что Андрей шепнул в ответ:

– Я вас узнал.

– Ну так что же насчёт адвоката и последнего слова для обвиняемого? – незнакомец закинул ноги в странных длинных сапогах на отполированный низенький стол и прищурился.

Судья не сводил глаз с отплясывающего пера: «Такие я

видел только на старинных картинах в далёком детстве. Как же я устал. Наверное, этот профессор – тоже. Мы с ним так похожи. Похожи ожиданием. Один из нас хочет побыстрее объявить приговор, второй – услышать его. Главное сейчас – не смотреть. Если согласишься на подсудимого, приговор будет справедливым, а это всё равно что совершить революцию. А революций в этой стране не было, сколько же их не было? Сто? Двести лет?»

В паутине забились и зажужжали шмели, и это напомнило судьё о его обязанностях. Он махнул рукой:

– Последнее слово подсудимому.

В этот раз молотком пришлось стучать минут семь. Все позабыли о желании поскорее вырваться из душного зала.

Андрей поднялся и устремил тоскливый взгляд в окно: «Как же давно я ни с кем не разговаривал. А мои студенты? Их не пустили ни на одно заседание. Какая сила исходит от Уильяма Шекспира. Интересно, это он сам или его реинкарнация?»

– Ну же, смелее, профессор, – Уильям взмахнул пером.

Ток ударил в макушку Андрея, юркнул под рубашку, завибрировал и дошёл до сердца. Какая мощь. Никогда раньше Андрей не испытывал такой силы. Или было? Возможно, он просто забыл?

Андрей наклонился к незнакомцу и спросил:

– Как вы думаете, Уильям, шмелям удастся вырваться из тенёт?

– Шансы равны, профессор, всё зависит от веры.

Андрей поднялся, прижал правую руку к сердцу:

– Я, Андрей Рассказов, заявляю: я виновен.

Цветастый зал выдохнул, судья сжал руки и опустил голову, охранники ухмыльнулись и застыли в предвкушении прыжка, подобно паукам, что кружили вокруг бившихся в тенётах шмелей.

Голос Андрея зазвенел, отчего пауки медленно зашевелили мохнатыми лапами.

– Я виновен в том, что посмел явить истину. Виновен в том, что осмелился возродить ценности. А также в том, что раскрыл тайны великих мастеров, о чём никто из здесь присутствующих не желает знать. Или боится? Я признаю себя виновным полностью и окончательно и прошу не винить моих учеников в том, что им указан путь. Но я верю, что они не свернут с него. И буду верить в них даже тогда, когда они сами перестанут верить в собственные силы. А теперь, благочестивый судья, можете огласить приговор.

Судья давно разжал кулаки, высоко поднял голову и не отрываясь смотрел на подсудимого. Незнакомец в чёрном перестал играть пером и сбросил ноги со стола. Помощник судьи опомнился и прокричал:

– Встать для оглашения приговора.

Разноцветное море забурлило в предвкушении. Судья охватил их цепким взглядом, чувствуя, как радостно им, как жаждут они. Что же, он готов:

– Суд признаёт обвиняемого виновным по всем тридцати трём выдвинутым обвинениям.

Пауки, словно канатоходцы, двинулись по натянутой паутине.

Судья помедлил. Вот, уже слащаво корчатся. А эти двое. Как спокойны они. Кто же он, этот в чёрном? Такое странно знакомое лицо, и это перо в левой руке, и сила.

Морская волна прокатилась по уставшему обрюзгшему телу судьи, наполняя свежестью и радостью неведомого.

«Шекспир! Это же Уильям Шекспир», – вздрогнул судья, проводив взглядом парочку шмелей, что вылетела в распахнутое окно, и вынес приговор:

– Окончательно, обжалованию не подлежит. Подсудимый виновен и свободен.

Гул цветастых шляпок, колпаков и шёлковых одеяний утонул в грохоте. Тяжёлые двери рухнули, и в зал ворвались студенты с книгами в руках.

«Революция», – довольно потёр руки судья. Наконец-то можно будет откопать сундук под старым дубом.

Мои Одра и Дек

- А я тебя Луной в Козероге.
- А я тебя Овном в зените.
- Получай Сириуса в Магеллановом облаке.

Светлоголовая задержалась с ответным ходом, но я чувствовала, как она дрожит в предвкушении:

– Что ж, Полярная звезда на Млечном Пути тебе на дорожку в жаркий летний денёчек.

Темноголовый тихо ругнулся, упомянув Плутона и Уралию:

- Везучая ты, Одра.
- Дек, тебе ли жаловаться. Ты ещё тот везунчик.

Час назад я проснулась и без всякого испуга или любопытства наблюдала за парочкой, нахально пристроившейся на моём широком подоконнике. Их фигуры напоминали человеческие, но с какими-то идеально-змеиными изгибами. Интересно, а они спят когда-нибудь? Или вечно режутся в звёздные карты? Прикольно. Я бы не отказалась от такой колоды. Вселенная в миниатюре. Вот только куда улетучились мои новые шторы?

Светлоголовая перетасовала колоду, отчего по комнате рассыпались зеленоватые микровселенные. Красота. Подняв голову, я охнула: шторы спокойненько разлеглись на потол-

ке.

Пока эти двое не начали новую партию, надо бы прояснить ситуацию:

– Не могли бы вы объяснить, что мои новые шторы делают на потолке?

Колода карт выпорхнула из светящихся ручек-щупалец, но тут же вернулась к владелице.

– Ш-ш, Дек, ты простофиля. И давно она проснулась?

– Я простофиля? Это ты прошляпила. Ночью мы оба в ответе за её астрал.

– Я отвлеклась. И, Юпитер тебя за ногу, это ты предложил сыграть на спор, кому завтра оберегать её в походе. Решил свалить погреться на Меркурий? А вот будешь греться в горах на солнышке в рюкзаке.

– Лунный свет, твою звёздную макушку. Одра. Заткнись. Оба повинны. Сейчас впрысну ей порцию из Венериного сундучка, и утром побежит записывать, какой чудесенький сон она видела.

– Дек, не переборщи. Как тогда, во время полёта над Саянами. Ты её умыкнул полетать, а в это время было ж запланировано. План хаоса забыл прочесть? У соседки гараж загорелся, шифер взрывается пампушками в небо, вся улица сбежалась, а наша красавица спит.

– Ну и что? Зато все потом восхищались: какой крепкий сон у Ленки. Кстати, Одра, а кто загнал нашу подопечную на Сатурн, где она полночи вращалась? Решила девочку уди-

вить, да? Когда сосед-алкаш в полночь в общагу возвернулся. Колотил и громыхал рядом с её комнатой, между прочим. Со всех этажей, из самых дальних закоулков народ выкатился. Хорошо, её мамочка в милицию умчалась, а потом заявления подписывала, пока её дочка по колечкам порхала.

– Ну, Дек, ты хам межпланетный. Это ж когда было. Сорок лет прошло. Кое-кто, мне помнится, зимой в речку свалился, а ведь ребёнку три года было! Хорошо, я ту девчушку-подростка прислала, как сердце чувствовало, что ты недосмотришь. Ой!

Моя тапка пролетела сквозь светлую шевелюру и приземлилась во двореке.

– Прости, Одра, я честно метила между вами, но сплеховала, и, кстати, хватит вам ругаться. Вечно валите один на другого, сколько я вас помню. Да и вообще пора заткнуться. Забыли? Мне в шесть утра вставать. И не забудьте вернуть шторы на место. Развели тут звёздный бардак.

Одра и Дек взмыли вверх, отчего по всей комнате заметались звёздочки-малютки.

Я повернулась на другой бок, но тут же подпрыгнула и уставилась в огромное окно с распахнутыми настежь ставнями. Лунный свет искрился на тонком тюле.

– Одра, а портьеры?

Звёзды вспыхнули, и портьеры, прищипленные невесомостью к потолку, вернулись на место.

– Полнолуние, – вздохнула я, – вечно из-за него им не спится.

Под назойливую мелодию телефона я тщетно пыталась нащупать вторую тапочку, затем, вытянув руки вперёд, прошлёпала босиком в ванную. Спустя час, повернув ключ в замке железной двери, я обнаружила пропажу рядом с цветочной клумбой. Задумчиво покачала головой, и в этот момент кто-то прошипел в рюкзаке:

– Одра, твою поднебесную империю, как ты могла забыть про тапку?

Солянка для Достоевского

26 января 2021, вторник

Я учусь в группе дистанционщиков. Наконец есть запись с лекцией Андрея. Ура! Ура! Хочется спать, но я цепляю огромные наушники и погружаюсь в магическое поле, где не столько понимаешь разумом, сколько чувствуешь той самой душой, о существовании которой спорят по сей день. Ага, задание: представить себя животным. Сил встать и записать нет, но я выхожу из положения – влезаю в шкуру льва, а затем гиены. Крадусь по ночной саванне в поисках добычи (странно, что утром я помню всё, о чём говорил мой антитотем). Я засыпаю на 43-й минуте, после того как ленивец Савва пробежал за лабрадором Катей пять километров, и не слышу, как сын аккуратно снимает наушники с моей головы и выключает компьютер.

27 января 2021, среда

Пытаюсь слушать лекцию, но из-за скопившейся работы, требующей концентрации, ничего не получается. Эх, там же ещё задание должно быть в конце, и как всё успеть? Денёк ещё тот выпадает, мчусь по нему как загнанная львицей антилопа, в полночь, поверженная, засыпаю.

Я на вершине горы, под моими ногами чёрная пропасть, дна которой не видно. Я шагаю. О чудо! Мои руки – это кры-

ля, моё тело ничего не весит. Я бездумно парю, тьма подомной расступается, склоны гор, укрытые исполинскими деревьями, устремляются к ярким звёздам.

28 января 2021, четверг

– Мама, вставай, уже семь тридцать.

– О святые небеса, такой чудесный сон не дали досмотреть, – бормочу я, в то время как ноги мои нащупывают тапочки возле кровати.

Бреду в ванную, тщательно и долго мою руки с мылом и отправляюсь на кухню готовить сыну завтрак. Через двадцать минут Андрей убегает, я кричу вслед:

– Мусор забыл, а, ладно, сама вынесу. И когда я допишу свою новеллу?

Возвращаюсь в спальню, забираюсь под одеяло, кручусь влево-вправо, но все мои попытки тщетны, я и не засыпаю, но и не просыпаюсь. Плетусь в ванную и умываюсь ледяной водой. Спустя час я готова к работе.

К двум часам дня всё сделано. Ну наконец. Счастливая, иду на кухню готовить обед, приготовление которого никак не отвлечёт от важной темы. Включаю ноутбук и напяливаю свои огромные наушники.

Достоевский – это тот писатель, которого я полюбила после сорока. Так много прочитано, но «Записки из подполья» – для меня открытие, анализ из уст Андрея важен, а всё ли я поняла верно, все ли изъяны отыскала в тёмных кори-

дорах?

«И откуда столько грязной посуды? Ну почему у других есть посудомойка, а у меня нет? Чем я хуже накачанных ботоксом дурочек? Вот интересно, Гегель мыл посуду? Сто процентов – нет. Да он, пожалуй, и чай-то не умел заваривать. Точь-в-точь как этот из подполья. Жалкий-жалкий, а слуга даже у него имеется».

Я спую по кухне, режу, чищу, мою, жарю, нельзя ничего забыть. Ага, Ферчичкин, ох и умел же Достоевский фамилии подбирать своим персонажам, грибы, грибы-то чуть не забыла, картошки сколько? Ага, три штуки достаточно, лук сначала на сливочном масле поджарить, ох, как всё-таки хорошо, что я прослушала курс лекций по философии, но что-то их учение этого Канта и Гегеля мне по барабану. Ой, как так? Он Лизу-то, даже такое сделал, а я и не поняла, когда читала, вот мерзавец, ну мужики, своего не упустят, так, теперь перец, помидоры, ветчина, о, что же это такое, опять гора посуды. Кошки, брысь отсюда, Андрей такие высокие темы объясняет, а вы под ногами туда-сюда, у вас же миска полная, ну вот, у мужчины слеза даже, а я прослушала, почему. Перемотать надо. Удивительно. Мужчины и мы, женщины, плачем совершенно из-за разного, это открытие. Русская женщина ещё и не на такое способна, оказывается.

Задумываюсь, смотрю в окно, там кружат редкие снежинки, они тают, едва достигнув земли, прогноз синоптиков, на удивление, сбился. Нам в Крыму снег после страшной лет-

ней и осенней засухи нужен позарез.

– Андрюша, смотри, снег идёт, – говорю я сыну, уткнувшемуся в компьютер, но отвечает мне другой Андрей:

– Какое значение имеет, что мокрый снег идёт?

Нож падает из моей руки, испуганные кошки прячутся под стол.

А снег за окном валит всё сильнее, огромные белые хлопья наполняют сердце радостью, в наушниках успокаивающе звучит голос преподавателя, и я думаю: знал бы Достоевский, какую вкусную солянку я готовлю.

Александр Громогласов

Член Российского союза писателей (РСП). Авторские сборники: «Души моей страстной кусочки» (2013), «Пишите письма по утрам» (2017), «А в душе, как прежде, лето, далеко до декабря» (2019). Публикации в альманахах: «Стихи о любви» (2012), во французско-российском альманахе-аллигате «Жемчужины современной русской словесности» (2016), «Поэт года» (2012, 2016), «Российский колокол» (2016–2018, 2020), «Автограф V» (2018), «Писатели русского мира: XXI век» (2019), «Литературная Евразия» (2019), «Венец поэзии» (2019), «Не медь звенящая...» (2020), в российско-израильском альманахе «Ильф и Петров» (2020), в конкурсных альманахах литературных премий «Наследие» (2017), «Русь моя» им. С. Есенина (2017, 2019, 2020). Награждён юбилейной медалью «Сергей Есенин, 125 лет».

Свеча

Наш мир – как зеркало большое,
В нём отражение всех нас.
Порой увидишь там такое...
Прости, Господь, спаси ты нас!

И в мире тьмы, что наступает
На жизнь, семью, любовь и честь,
Защита верная, я знаю,
Была всегда и будет, есть.

Зажги свечу свою простую —
И станет мир чуть-чуть светлей.
Дари тепло, любовь и ласку —
И станет мир чуть-чуть добрей.

Твой огонёк и лучик света —
Часть благодатного огня,
Пойдёт по миру эстафетой,
Всех согревая и храня.

И наша жизнь легка настолько,
Насколько мы отдали света.
Отдали просто, безвозмездно,
Не дожидаясь и ответа.

Чем больше мы открыты миру,
Тем будет он теплей, родней.
И засверкает жизнь сапфиром,
И будет лучше и светлей!

Мы недовольны часто жизнью

Мы недовольны часто жизнью,
Любви нам мало и вниманья,
Друзья уходят, не простившись,
Нам не хватает пониманья.

А может, мы с тобою вместе
Вокруг себя забор воздвигли
Из «не могу», «нельзя», «не буду»
И из того, к чему привыкли.

Из-за забора смотрим косо
На тех людей, что на свободе.
И в этой зависти кипящей
Дни золотые прочь уходят.

Стрелу ты шлѐшь вослед другому,
Порой не помнишь о године.
Но, облетев земной наш шарик,
Стрела в твою ж вонзится спину.

Порою мы не замечаем,
Как вдруг сбываются мечты.
А нам всё мало, мы страдаем,
Не видим солнца, красоты.

Мы просим Господа о благе,
Всё изменить, помочь делами,
Не понимая, что при этом
Должны мы измениться сами

И обрести в душе спасенье,
Наполнить мир любовью, светом.
И это будет как прозреньё
И долгожданным нам ответом.

А нам ведь есть кого поздравить
И пожелать спокойной ночи,
И просто знать, что ждут и любят,
И поспешить на ужин очень.

Цветы без повода пусть будут,
А счастье – светлым и звенящим,
Наш дом – уютным, хлебосольным,
Любовь – взаимной, настоящей.

Давай наполним душу светом,
Тепло подарим близким людям,
Ну а погода – пусть с приветом,
И нам без разницы, как будет!

Нет выходных дней у любви

Нет выходных дней у любви,
Она нас лечит и заводит.
Жизнь останавливает бег,
Когда любовь от нас уходит.

А мы торопимся, бежим:
«Так все живут, такое время!»
Добиться многого хотим,
Забыв любви посеять семя.

Жуём дежурный бутерброд,
И в спешке чай порой не допит.
Одно понять не можем мы —
Куда и кто всех нас торопит?

Порой копаемся в еде,
Чтоб не дай бог не отравиться.
Не можем мы понять в себе,
Откуда злость к другим родится.

Любого можем оскорбить,
Он отойдёт с сердечной раной,
А сколько будет он лечить
Ту боль, нам думать даже странно.

Гордыня, зависть, эгоизм —
Вот тот девиз, что нам всё ближе.
Друзей, любимых предаём
И опускаемся всё ниже.

Ну а любовь всегда сильнее,
Она незваной к нам приходит!
Коль не горит в душе костёр
И отзыв в сердце не находит,

Пусть негасимым огоньком
В сердцах лампадкой яркой светит —
Желанье жить, любить, творить,
Любимым быть, добром ответить,

Теплом родных людей согреть...
Пусть быстротечны жизни дни,
Мы сможем всё преодолеть!
Нет выходных дней у любви!

Что мы оставим нашим детям?

Что мы оставим нашим детям,
Когда уйдём все в мир иной?
И что дороже всех на свете,
Что не возьмём никак собой?

А мы оставим наши корни:
Дела и честь своей семьи,
Заслуги прадедов и дедов —
Они как соль родной земли.

Когда в годину испытаний
Мать подняла своих детей,
Недоедала, мёрзла ночью,
Но их спасла, и дети с ней.

Отцы и деды в дни лихие
Нам сберегли Отчизну-мать,
В нечеловеческих условиях
Смогли с колен её поднять!

Да и сейчас своей семьёй,
Её делами я горжусь!
Надёжность там все сто процентов,
На том стоит и крепнет Русь!

Что мы оставим нашим детям,
Когда уйдём все в мир иной?
А мы подарим детям крылья —
И пусть летят вслед за мечтой!

Мы им даём всё то, что нужно,
Порою даже — что нельзя.
Хотим, чтоб жили ладно, дружно.
Хотя у всех — своя стезя!

Но свято верим, что поддержат
И не уронят нашу честь!
И будет в жизни продолженье —
В делах, во внуках! Вера есть!

Что пожелаем нашим детям,
Когда уйдём все в мир иной?
Пусть все они к корням вернуться
После полётов за мечтой!

Свой путь

Как часто мы зависим от людей,
От их желаний, мыслей и суждений.
Живём порою жизнью не своей
И ждём оценки, одобренья, мнений!

А надо жить, лишь слушая себя,
Иметь свои идеи, планы, мысли.
И сердце приведёт всех нас тогда
К прозренью и наполнит смыслом!

Не надо никого нам догонять,
А надо быть всегда самим собой.
И пусть поступки будут обсуждать,
Шептаться и судачить за спиной!

Так было прежде, будет так всегда,
У нас любого могут осудить!
А нам легко, и пусть летят года,
Мы будем и смеяться, и любить,

Творить, мечтать и солнцу улыбаться,
Дарить тепло и радость вдаль и вширь,
Родных беречь, природой наслаждаться
И улучшать безумный этот мир!

На что мы тратим наше время?

На что мы тратим наше время?..

На что мы тратим жизнь свою?..

Всё чаще, тихим вечерком,

Вопрос я этот задаю!

Мы все спешим: кто – за деньгами,

А кто – за славой и постом.

Спешим, спешим, при этом сами

Себя обкрадываем в том.

Порою пыжимся надменно —

Не с тем дружил, не ту любил.

А жизнь по каплям, постепенно

Уходит прочь, сбивая пыл!

Ещё не поздно выжать тормоз,

Остановиться на бегу!

Ещё не поздно поделиться

Любовью, радостью в кругу.

В кругу своих родных и близких,

В кругу коллег, в кругу друзей.

Ведь радость, отданная людям,

Бывает во сто крат сильней!

Пора, быть может, созвониться
И заглянуть к своим друзьям?
А то о них мы вспоминаем,
Когда вдруг что-то надо нам!

Пора простить им все обиды
И с лёгким сердцем отпустить!
Пора покаяться, быть может,
Отца и маму навестить!

Пора, пора, пока не поздно!
И вновь вопрос я задаю:
На что мы тратим наше время?!
На что мы тратим жизнь свою?!

Башмаки

Купили деду башмаки всего за сотни три,
Хотел он тут же их обусть, жена же: «Не дури!
Твои, что носишь ты сейчас, вполне ещё сойдут,
Вот будет служба – и тогда ты в новых, тут как тут».

Обидно было старику, давно он не носил
Таких удобных башмаков, которые купил.
Жена стояла на своём и об одном всё речь —
Покупки надо сохранить и лучше поберечь.

Пришли домой, нелёгким был после походов путь.
Пока согрелся вкусный борщ, прилёт дед отдохнуть.
Прилёт и помер в тот же миг – видать, его судьба.
Не можем мы предугадать, когда придёт беда.

Похоронила старика, дань Богу отдана,
Но башмаки ему надеть супруга не дала:
«Они же новые совсем, чего им пропадать,
Их можно выгодно, легко кому-нибудь продать».

Но по ночам, как в страшном сне, стал приходить к ней
дед,
Корил за жадность, нелюбовь и горький слал привет:
«Я тут совсем-совсем босой, мне некому помочь,
Ходить мне трудно по камням и боль терпеть невмочь!

Прошу: пришли мне башмаки, которые купил.
Соседка скоро к нам придёт, её я попросил!»
Случилось так, как он сказал, соседка померла,
И передали башмаки с ней, вот таки дела.

И вновь приснился ночью дед, весёлый, не босой,
За башмаки благодарил и был самым собой.
Любите жизнь, живите здесь, сегодня и сейчас,
Дарите вы свою любовь, заботу каждый час.

Не оставляйте на потом наряды и мечты,
Счастливой сделай свою жизнь – и это можешь ты.
И если хочешь – достигай, и пусть исчезнет страх.
Люби, твори и созидай – ведь всё в твоих руках!

Как хорошо, что есть суббота!

Как хорошо, что есть суббота,
И можно нам легко вздремнуть,
Не торопиться на работу,
От дел привычных отдохнуть.

И не спеша за чашкой кофе
Поразмышлять о прожитом,
Наметить планы и победы,
Как жить и действовать потом.

Как хорошо, что есть суббота,
И можно сотню дел свернуть,
С улыбкой день пришедший встретить,
К друзьям старинным заглянуть.

Уехать просто на природу,
И чистым воздухом дышать,
И, несмотря на непогоду,
Берёзку русскую обнять.

Полюбоваться на рябину
Осенней дивною порой,
Отведать сладкую малину
Июль предложит нам с тобой.

А в январе, морозным утром,
Мы пронесёмся по лыжне.
И майским запахом сирени
Весна напомнит о себе.

И вопреки любой погоде
Мы встретим вечер при свечах.
Скажу тебе о самом главном,
О чём так думалось в мечтах.

А дальше будет воскресенье,
Нас закружит круговорот
Событий, встреч, дел неотложных
И жизни новый поворот.

Как хорошо, что есть суббота,
Но лучше пятница, поверь.
Отбросим прочь дела, заботы,
Ведь в радость нам открыта дверь!

Колесо жизни

Когда мы уйдём – ничего не изменится,
И ночью заменится прожитый день,
А люди влюбляются, ссорятся, женятся,
И в мае цветёт, как обычно, сирень.

А где-то воюют за правду и веру,
И жизнь идёт своим чередом.
А кто-то рождение справляет, к примеру.
Тебя в мире нет, да и не было в нём.

Сегодня ты снова, как прежде, проснулся.
Господь подарил этот радостный день,
Чтоб ты поутру легко улыбнулся,
Прогнал от себя скуку, зависть и лень,

Вдохнул сладкий запах листвы перепрелой
И рад был погожим осенним денькам,
Почувствовал остро щекой загорелой
Дыханье зимы, что торопится к нам.

А жизнь впереди, и всё в твоих силах:
Учиться, искать, дарить и творить,
Прощенья просить, добиваться любимых,
Ведь в жизни своей можно всё изменить.

Когда мы уйдём – ничего не изменится,
И время пойдёт, никуда не спеша.
В другом воплощении, знаю, мне верится,
Придёт в этот мир наша душа.

Вернётся цветком, дождём, птичьим пением,
А может, собакой, чтоб верно служить,
Простым пастухом, учителем, гением
Придёт в этот мир, чтобы снова в нём быть.

Она вновь придёт, чтоб кому-то покаяться,
Раздать все долги иль кого-то спасти.
Истина тем всегда отрывается,
Кто может свой крест достойно нести.

Когда мы уйдём – ничего не изменится.
И время пойдёт, никуда не спеша.
Но коль суждено, мы не раз ещё встретимся,
Ведь есть же бессмертная наша душа!

L'amour perdu

L'amour perdu, что значит по-французски
«Прошедшая любовь», и на душе горчит,
Но если прочитать, почувствовать по-русски,
То как же это классно, красиво как звучит.

Не надо жечь мосты и строить планы мести,
А надо быть спокойным, чтоб «крышу не снесло».
И если вдруг к другому твоя ушла невеста,
То, знаешь, неизвестно, кому там повезло.

А может быть, любовь тебе не доверяет,
Вдруг ты согласишься слухам, что ветер принесёт?
Она тебя разрывом на прочность проверяет,
И если устоишь ты, она к тебе придёт.

Любовь к тебе вернётся судьбой и наваждением,
Глотком большой надежды и счастьем до краёв.
Почувствуешь ты сразу, поймёшь в одно мгновенье:
Всё было не любовью, что было до неё.

И пусть l'amour perdu вновь будет у французов,
А мы своей любовью будем дорожить,
Она в беде поддержит, мечте подарит крылья,
И будем мы, как птицы, свободные парить.

Жизнь у Поэта как знаменье!

Поэт – и лекарь, и сапёр.
Врачует он людские души,
По полю минному идя
Из безразличья с равнодушьем!

Он будит совесть и мораль!
Они ж рабой достатка стали!
Да и порядочность, и честь
В цене сейчас совсем упали!

Спешим купить, достать, отнять,
Друзей теряем безоглядно,
Не можем жизнь, себя понять,
И оттого нам так досадно!

Поэт поможет жить и быть,
Стихом согреть людские души,
От спячки мысли пробудить
И научиться сердцем слушать!

Очаг от бури охранять,
Ценить любовь и в правду верить,
Стеной за Родину стоять
И всех такою меркой мерить!

Жизнь у Поэта как знаменье,
А голос свыше всё ясней:
«Исполни долг, предназначенье,
Глаголом жги сердца людей!»

Валерий Грунер

Композитор, поэт и писатель Валерий Грунер родился, живёт и работает в Перми. Окончил композиторское отделение РАМ им. Гнесиных по классу композиции. Лауреат все-союзных и международных конкурсов композиторов и исполнителей собственных сочинений. Он член Союза композиторов России, Российского союза писателей, Интернационального Союза писателей. Его стихи и проза постоянно включаются в «Антологию русской прозы» и «Антологию русской поэзии», опубликованы в сборнике литературной фантастики участников Международного конкурса им. П. П. Бажова «Новый сказ» под названием «Малахитовая вселенная». Финалист национальной премии «Писатель года» (2016), а также литературной премии им. Сергея Есенина «Русь моя» (2019). Награждён медалями им. Пушкина, Чехова, Ахматовой, Есенина, Бунина, Фета.

Многоумение и многоделание Валерия Грунера свидетельствуют о том, что он человек разносторонних интересов. Вполне закономерно появление в 2012 году уникального издания для взрослого чтения «Сказки Дядюшки Гру», объединившего не только жанры сказки, притчи и новеллы, но и четыре вида искусства: литературу, графику, музыку и театр. Сейчас автор готовит к выходу в тираж поэтическую книгу книг «В объятиях мажора».

Сказки Дядюшки Гру

Книга вторая

Пять частей из цикла «ГРИШКИН ДОМ»

Сказки про Гришку-Охранника, Сантехника и Чистодыра

I

Волшебник из «Копейки»

Вообще его звали Лёхой. Но и Гришкой – тоже. Помнится, фамилия у него была Гриздец, или Гришдец. Но не это главное. Очень уж он напоминал известного в прошлом колдуна – Гришку Распутина. Только без бороды. На внешнем сходстве совпадения не заканчивались. Наш Гришка тоже был птицей непростой, хоть и работал обычным охранником в гипермаркете «Копейка».

Лёха бдел «Копейку». На работе был строг, непоколебим и недоступен, как пистолет в кобуре. Когда его осоловелый прищур из-под косматых бровей начинал отливать металлом, шуточки мгновенно сворачивались, наступало молча-

ние... В кобуре скрывалась страшная тайна, о которой знал лишь друг Лёхи – Главный Копейский Начальник. Пистолет был ненастоящий, «для впечатления». Кобура, с торчащей от нагана ручкой, приводила в трепет кого угодно.

Трезвым Лёху не видел никто. А если кто и видел, то давно позабыл. У каждого уважающего себя волшебника есть свои секреты... У Лёхи они тоже были. Иначе и рассказывать ничего бы не пришлось.

Он многое умел, этот Гришка-Лёшка. Хотя многоумение и многоделание – таланты, без которых нынче не прожить. Времена такие. Хочешь жить – будь Волшебником! Или умри!

В «Копейку» к Гришке заходили другие волшебники. Они делились с ним Эликсиром Жизни и помогали держать в тонусе Магическую Силу, недостаток которой он испытывал обычно по утрам. Эликсир помогал переходить границу преобразования от Лёхи к Гришке. Без могучего Эликсира Лёша-Гриша не совершил бы никакого чуда. Эликсир добывался в Местах Силы. Самым сильным местом был «пяточок», где собирались причудливые волшебники с разноцветными носами. Каждый приходил с набором своих Чудес...

Одного чародея звали Дядя Коля. Он знал, как вертикальное положение субъекта при помощи Эликсира превратить в горизонтальное. Как, используя крепкие заклинания, вызвать Карету Доставки или изменить поведение окружающих.

II

Каналья

Гришка и Дядя Коля «как следует» познакомились, когда чинили Дяде Коле канализацию. Запашок от «канальи» шёл по всей квартире и создавал устойчивый дух в подъезде. Потолок в ванной, словно денежная купюра, радужно переливался водяными знаками.

– Канализация – это жизнь! – изрёк Гришка. – Если что-то с ней не заладилось, то во всём будет «непруха»: и в жизни, и в любви, и на работе. Многие кончали плохо, когда «каналья» выходила из строя. Надо её беречь, пользоваться осторожно и редко. Пусть отдохнёт недели две. Нужду и на улице справить можно! – философски заключил Гришка, устанавливая на унитаз plombу.

Потом он перекрыл водопровод и вразвалочку шагнул на кухню.

На столе, накрытом клеёнкой с разводами, красовались: бутылка Эликсира, пепельница, пачка дешёвых папирос «Фимиам Энергии», стаканы и Пища Избранников: хлеб и лук.

– За «каналью»! – Волшебники сгрудили стаканы.

Поморщившись в рукава, они принялись за лук, но остановились и налили Эликсир по новой.

– Золотые руки у тебя, Лёха! Будь! – опрокинул стакан

Дядя Коля.

– Ты и сам не лыком шит: хорошо, ко мне обратился! А то есть «умельцы»... – Гришка выдал «непечатное заклинание», – им лишь бы чинить! Но я ведь не простой сантехник. Даже не прикасаясь ни к чему, могу всё исправить. На то мы и Волшебники, верно?

– Сейчас не будет унитаза течь?

– Как он потечёт, если вода перекрыта? Не бойсь!

– Ну, Лёха – голова! Надо же догадаться! Просто и со вкусом.

– Всё гениальное просто, но не всё простое гениально! Моего учителя слова! Как его... – поморщился Гришка, почёсывая живот. – Кстати, Квасимира Шмалевича знаешь картину? Чёрный квадрат на ей – и ничего больше! Вроде фигура с ушами? А не каждый допрёт! Придумай-ка, попробуй! Ну, за учителей!

– Давай!.. У меня тоже хороший учитель был. Царство небесное... Он меня научил правильно Эликсир пить. Если дышишь не так или переборщишь маленько – ни за что не пойдёт!.. Ну чё? Ещё по Эликсирчику накатим? – Дядя Коля поднял очередной стакан.

– Почему нет? Накатим...

Содержимое стаканов булькнуло и исчезло, словно его и не было. Волшебники довольно крякнули. Мир закачался от блаженства.

– Слышь! Шум какой-то... – напрягся Гришка. – Из ван-

ной, кажись!

– Где? Не слышу...

Оба, шатаясь, с проклятиями заковыляли в ванную.

В пустой рыжей ванне, гремя плавниками о чугунные стенки, выпучив глаза, билась щука. Пробка валялась рядом со сливным отверстием.

– Вот ни фиги себе! Откуда щука? Ты что ли принёс? – недоумевал Дядя Коля.

– Ещё чего! Буду я хрень всякую таскать!

– Ленка что ли? Соседка. Заходила утром. Так я бы увидел... Чудеса-а-а! Чё делать-то с ней?

– Воду наливай! Жалко рыбу, задохнётся!

Пришлось снова открыть водопровод. В ванну хлынула вода. Рыба расправила плавники и усиленно задвигала жабрами. Дядя Коля облегчённо вздохнул, но тут вспомнил о протекающем унитазе и рванул в туалет. Из бачка без крышки фонтанировали и стекали по стенам струи ржавой воды. У основания унитаза хлюпало.

С расстройства приняли ещё по «сотке».

– Мой дом – твой дом! – заявил Дядя Коля.

– Тебе кого больше жалко? – выдохнул, икая, Гришка. – Щуку или соседей?

– А всех! Но щуку – больше. Щуку съесть можно! А с соседями чё? Разлаяться только!

– Тада давай щуку спасать! Пошли в ванную... Не видишь, пробка пропускает? Тряпкой обмотай!

Пробку вынули, обмотали, оставили ванну наполняться...
Усугубили по стаканчику для вдохновения.

Минут через пятнадцать послышался стук в дверь. Нижний сосед барабанил по ней что есть силы, покрывая Дядю Колю жуткими сквернословиями. Дядя Коля, спотыкаясь, побежал в ванную:

– Лёха! Не открывай пока! Мы там щуке море-окиян устроили. Я быстренько затру, а ты вентиль перемкни!

Забегал Дядя Коля в ванную, стал в море по колено, на щуку глянул, а та возьми да и скажи человеческим голосом:

– Спасибо, что спас, Дядя Коля! Вовек доброты твоей не забуду! Проси чего хочешь!

Дядя Коля обомлел, потом заморгал и перекрестился. «Неужели Эликсир? Переборщили что ли с вдохновением? Свят, свят...»

– Не пугайся, дядя Коля, загадывай желание! Тебе что, сказок в детстве не читали? Про Емелю да щучье веление?

– Так то ж сказки...

– А ты не думай, не к лицу тебе! Загадывай желание! Загадал?.. Вот и славно! Иди отворяй! Не страшись никого!

Дядя Коля попятился, не веря своим глазам, вытер испарину со лба и отпер дверь.

Сосед беззвучно, по-рыбьи разевал рот, вращал глазами, но ничего не мог произнести. Волшебники затащили перепуганного насмерть соседа и налили Эликсир. Сосед стал потихоньку оживать, речь медленно возвращалась. Когда он

снова заговорил, то уже забыл, зачем пришёл. Вдохновитель действовал безотказно. Мир и покой были восстановлены.

Вскоре сосед покинул честную компанию, поблагодарив за чудесный вечер. Затворив за ним дверь, друзья кинулись в ванную... Щука исчезла...

Отдраенная досуха ванна сияла белизной, на полу и стенах блестел импортный кафель. В туалете на бачке лежала новенькая крышка, кругом стояла стерильная чистота. Воздух приятно щекотал, озонировал и светился свежестью.

– Мы же всё-таки Волшебники, едрёна вошь! За чудеса! За нас!..

Утром Лёха ни свет ни заря собрался на работу. Сонный Дядя Коля проводил его до порога и щёлкнул замком.

...Ему снилась щука. Она улыбалась зубастой пастью и звала куда-то в хорошую жизнь. Дядя Коля обещал обязательно приехать в гости. Потом щука превратилась в соседку Ленку.

– Дядя Коля! Открой! Слесарь пришёл! – орала она на всю площадку.

– Щас, щас, – недовольно бурчал Дядя Коля, шаркая к двери. – Раньше надо было...

Зайдя в туалет и ванную, слесарь укоризненно покачал головой: зачем, мол, зря дёргаете, раз всё в порядке, – и молча вышел на площадку.

«Каналья» с тех пор работает у Дяди Коли, как часы. Прав Лёха: канализация – это жизнь!

III

Чистодыр

Каким бы расчудесным Волшебником ни был Гришка, но и ему порой приходилось несладко.

Перестала работать у него труба, точнее, вентиляция. Никакого продыху не даёт. Щёлкнул зажигалкой, сунул в дырку – пламя, как нарисованное, стоит, не колышется. Воздух в квартире до того спёртый, пыльный – аж с души воротит. Понял Гришка: дело табак!

Посвящённым, конечно, ясно, о чём речь. Вентиляционное отверстие обязательно трубой заканчивается на крыше. А жил кудесник-то наш на самой верхотуре, на последнем этаже, как и водится у волшебников. Так его эта вентиляция замаяла, что он сна лишился. Не спит, с боку на бок переворачивается, всё о проклятой дыре вспоминает.

И вот, как-то домучившись до шести утра, взял он канализационный трос, воткнул в дырку и ну им вертеть. Из отверстия только труха сыпется. Начал Гришка соображать, как до трубы на крыше добраться. Поднялся кверху, заглянул в трубу... Вдруг кто-то чёрный оттуда на него замахал и хрипло так закричал. «Что за чудо-юдо такое? – думает Гришка. – Может, домовый в трубу залез?» Давай опять тросом шерудить – снова закричал кто-то... И вдруг как из трубы выскочит да как каркнет! Гришка с перепугу кубарем пока-

тился, еле на крыше удержался. Видит, ворон над ним кружится, в лицо крыльями машет, будто сказать что хочет.

– Чего тебе, Ворон Воронович, от меня надо?

Ворон Воронович крыльями по-прежнему машет, ворчит, недовольство выказывает. Прислушался Гришка к птичке, да тут и догадался, чего ему втолковать-то хотят. Гнездо, вишь, Воронович в трубе у него свил. Жениться хочет, детей рбстить собрался.

– А мне без воздуха теперь жить, что ли? Ищи себе новое пристанище! Ишь, умный-разумный какой! Ни прописки, ничё нет! Незаконно как-то!

Бросился Гришка со всех ног домой, забегает и хватать газету «Антенна». В газете той необыкновенная сила была. Много раз «Антенну» Гришка проверял. Если в неё селёдку или бутерброд завернуть, нипочём не пропадут. Если кому-нибудь в ящик почтовый подложить, непременно обратно возвращается. А если зажечь?.. Тут уж неведомо что и будет! Непростая газетка-то, с секретом.

Зажёл Гришка «Антенну», сунул в трубу и думает: «Ну что, Ворон Воронович, теперь скажешь? Против “Антенны” не попрёшь!» Из отверстия густой пар повалил, кажется, что весь дом дымом задымился. Слышит Гришка, в дверь бубухает кто-то. Открывает – сосед.

– Ты чё творишь, паразит?! Время полседьмого утра, люди спят!

– Я-то не сплю ведь!.. – почти уверенно отвечает Гриш-

ка. – Завсегда тебе ни до кого дела нет в доме! Принимай участие в общей беде, дырка-то для вентиляции одна на всех! И труба, значит, тоже! Я что, один должен за вас, лодырей, отдуваться?!

– Так ведь кабель силовой в дырке-то есть! Ты, ядрёна мать, дом без тока оставишь, квартиры запалишь!

Переполошились все этажи. Забегали людишки-муравьишки, дым валит, огонь горит, а над всем этим концом света вороны пикируют, как бомбардировщики. Карканье такое, что уши закладывает.

Пока приехали пожарники и милиция, вентиляция прогорела. Выгреб Гришка золы немерено и весь покрылся загаром. Смотрит на свет божий, одни зрачки сверкают, как у негра. Пожарники Гришку за «своего» приняли. Милиционеры, видя такое дело, работу ему давай предлагать. Но Гришка гордо сказал, что охрана для него превыше всего.

– Главное – чистота в наших рядах!

Тут жильцы Гришку-то Чистодыром и окрестили – доньне так кличут.

Провод с током, слава Богу, цел остался. Обошлось как-то. Гришка всё ж таки молодец – своего добился: дырку прочистил, Ворона Вороновича выжил. А теперь такую забубенил кухню «понтovou»! Европа! Встроил – мама не горюй! Вытяжка – зверь, кого хошь засосёт!

Жильцы и не догадываются, что оно и не могло быть ина-

че. Откуда им знать о Гришкином волшебном даре? Волнение рядом с охранником-кудесником – штука лишняя. Но разве кому-нибудь из непосвящённых это объяснишь?

VII

Былина о Чёрном Гришке

Задолго до того, как устроиться в «Копейку», Гришка прошёл курсы волшебников на ином поприще – стал он Чёрным Маклером. Тогда ещё не было модного нынче слова «риелтор», но это не мешало Гришке успешно продавать «недвиж-ку».

Достиг он редкого мастерства в профессии, разбогател и зажил припеваючи. Денежки летели как ласточки: легко приходили и так же весело уходили. Считать их было лень. Не царское это дело.

Однажды после полугодовых переговоров и торгов Гриша Чёрный, как его прозвали маклеры, завершил Сделку Века. «Толкнул» он квартиру в доме бывшего Державного Правителя. Хоть и пришлось ему «прижаться» в цене, но прибыль приплыла как рыбий косяк на нерест. От обилия денежных знаков рябило в глазах. Загрузил Гришка деньги в мешок и поволок, сгибаясь под его тяжестью.

В ту пору жил он с женой. Она слыла той ещё Феей, но маклеров любила. Сложили Гришка с Феей капиталы да и купили себе «норку» в престижном столичном месте. Стали

они жить-поживать да добра наживать.

Но Фея слишком часто читала «Сказку о Золотой Рыбке». По душе ей пришлась требовательная старушка с корытцем. Вошла она в её личину, а выйти не может. Опыта в колдовстве маловато оказалось. Всё ей чего-то не хватает, хочется больше и больше.

Разладилось у Гришки с Феей семейное житьё. Пошёл он с добрыми молодцами гулять-гужеваться, «пары выпускать». Долго ли, коротко ли, но «пары вышли», Гришка успокоился, решил с женой примириться. Воротился с подарочком заморским, диковинным. Открывает дверь... Батюшки-светы! По квартире в его любимом малиновом халате какой-то Кощей ходит. Сам тощей такой, усами таракаными покручивает, дряблой кожицей потряхивает, черепушечкой посверкивает, с Феей целуется-милуется. Схватил Гришка Кощея и давай трясти-мутузить.

– Ты кого бьёшь-колотишь, проклятый?! – кричит Кощей. – Я при исполнении своих мужеских обязанностей! Не знаешь, с кем тяжбу затеваешь!

– А кто ты таков, паскуда?! И почто к чужой Фее припёрся?!

Гришка по-богатырски придавил Кощея, того и гляди удушит.

– Остановись, Гришенька! – взмолилась Фея. – Это участковый здешний, Соловей Соловьёвич!..

Настали для Гришки чёрные деньки. Засадил его Кощей

Соловьёвич во сыру темницу с решётками. Две недели и день назначили за разбой и нанесение повреждений. Слуги Кошечевы над Гришей измываются, а Соловьёвич всё ходит, костяной ногой его подпинывает да приговаривает:

– Сгниёшь ты у меня в казематах! Не видать тебе света божьего!..

Отвечал ему Гришка:

– Не сломить злодею паршивому удача молодца! Я когда воевал – никого не пугался: ни Моджахеда Кровавого, ни ружья кавказского, ни Террориста Афганского. Огонь-воду прошёл!

– А я тебя в Трубы Медные вместе с потрохами закатаю! Попляшешь ещё!

Пинали-лягали Гришку Кошечевы душегубы, аж устали. Всё ему нипочём. Живуч как смерть, паразит! Решили душегубы пот утереть, дух перевести. Отошли от него на время. А Гришка как кинется к гаражу, где Бензокони милицейские стояли, да как прыгнет на одного! Только его и видели.

Гнались-гнались за Гришкой Кошей Соловьёвич с отродьем, а не смогли догнать, упустили из виду. Скорый Бензоконь у Гришки оказался. Гришка прямиком в контору свою маклерскую прискакал да Юрику-адвокату всё и выложил. Юрика того все злодеи боялись. В Гришкиной конторе его промежду собой Долгоруким величали. «Длинные руки» у Долгорукого имелись. Были у него в друзьях именитые люди, да и волхованием он не брезговал. Напустил он на Ко-

щего Соловьёвича чародеев да волшебников и так «построил» вместе с поганцами евонными, что те и пикнуть до суда боялись.

На суде Юрик Долгорукий всю армию скверную разгромил, места живого не оставил. Никаких поддельных справок про побои не приняли от Злодея Соловьёвича. Никакие его свидетели подставные не затуманили правду-матушку. Освободил Главный Судья Гришу Чёрного, удачи пожелал, а Кощею Соловьёвичу строго-настрого наказал никогда более на глаза не показываться.

Всё бы хорошо, но одна беда отвалила, так другая приклеилась. Как домой-то попасть? Ключа лишился Гриша, не может появиться, пока Феи дома нет. А та ему время, вишь, назначила: «от сих до сих» появляться – и баста! А там, где хошь, шландайся. Всё на книжку про «Жилищный Кодекс» ссылается, по правилам, дескать, добрые люди жить должны. А фатеру так и вовсе разменивать отказывается. Соловей Соловьёвич, мол, здесь с нею проживает. Закручинился Гришка, голову повесил.

А тут аккурат товарищ ему армейский попадает. Богатырь! Добрыня Никитич – ни дать ни взять! Вспомнили Добрыня с Гришкой, как с врагами Отечества рубались, сколько друзей на чужбинушке, во сырой земелюшке оставили. Поведаль ему Гриша про свою нонешнюю жисть. Пожалел его Добрынюшка и говорит:

– Не тужи, Гриша, я тебе помогу. Все ребята наши армей-

ские у меня в Безопасности ноне злодеев на чистую воду выводят. Да и сам я не последний человек в Державе – Генерал Безопасности!

Вызвал Добрыня Дружину свою в Гришкину фатеру. Вынесли хлопцы из неё дверь вместе с косяком. И тут, на свою беду, Злодей Соловьёвич прётся с отродьем поганим. Положили Богатыри Нечисть Кощейскую мордами вниз, тюкнули для профилактики по «черепушке» и посоветовали лежать тихо, пока Генерал Безопасности с ними гутарит. Чует Генерал: что-то сыростью пахнуло. Глядь, ан озеро уже заплескалось с рыбками. Так испугались злодеи Добрыню, что цельный пруд вмиг образовался. Во Волшебство-то где!

– Судить тебя будем, Кощей Соловьёвич, вместе со всей твоей нечистью за коррупцию! – пригрозил генерал. Ну и, конечно, в дальнейшем сдержал слово.

Гришка возвёл посреди фатеры гипсокартоновую перегородку, пригласил весёлых цыган и устроил День Победы над Врагом. Фее своей бывшей сказал, что цыганам, мол, тоже где-то ночевать надо. Пускай, дескать, на моей половине поживут. Та взмолилась:

– Не погуби, родной! Вернись – всё прощу! Не хочу с цыганами жить!

Возвращаться Гришка не захотел. Заплакала бывшая Фея горячими слезами:

– Коли жить с честной женщиной не хочешь, давай фатеру продавать!

Продав Гришка фатеру, купил себе поменьше, рядом с «Копейкой», сделал ремонт и с тех пор там и живёт. Это была его последняя маклерская сделка. Никто больше не слышал про Чёрного Гришку, а Лёху-охранника, кого ни спроси, все знают.

VIII

Чайковский

Жильцы Гришку занимали постольку-поскольку, не до них было. Но сосед по площадке будоражил глаз и ухо, хоть и работал простым Композитором. Жидкая всклокоченная бородка, небольшой рост, смешливый серый взгляд, сам худой, ручки тоненькие... Но брякал на своём «ящике – пианине» безбожно громко. Временами казалось, что сосед лупасит по клавишам кулаком или локтем. Громовые раскаты ударов переходили в нервные пассажи. Ещё Композитор пел. Гришка побаивался таких минут. Ему казалось, что вот-вот выскочит какая-нибудь нечисть. Такое и взаправду бывало. Стоит лишь выйти за Грань, превысить эликсирную дозу...

Вместе с пением Композитора пробуждались тайные силы. Чувствовал Гришка: ненормальный сосед у него – Колдун, как и он сам. Потому – уважал и хотел подружиться.

Как-то раз, воскресным вечером, взял он гитарёшку свою, приоткрыл входную дверь и запел зазывальную песенку:

Шёл-шёл-шёл Колобок по дороге,
Промочил-размочил свои ноги.
Ты куда, мужичок, раскатился,
Закусил язычок, не побрился?
Зацепись за порог бородачи
Да стяни-ка с ног сапожищи.
Уж как я тебя, Колобок, обихожу,
Сапожком порумяню-приложу.
Всех-то ты на лопатки положил,
Объегорил, браток, обезножил.
Ты катись-покатись вдоль речки,
Покатись-прикатись до печки.
Тут уж я тебя, поросёнка, умаю
Да в блины с пирогами закатаю.
А и вкусен блин, только в глотке клин!
Катись-покатись-раскатись,
Раскатись-покатись, на лопату садись.

Приворотная песенка-закличка накрепко засела в Гришке ещё в детстве. Она передавалась из уст в уста в роду колдунов. Дед пел песенку, чтобы привлечь в дом именитых гостей.

Когда Гришка слышал шаги – ничуть не удивился «положенному чуду». Куда б оно делось? Выйдя на площадку в приворотной одежде: шортах и майке, он прихватил заранее приготовленные ведро с водой и швабру. Потом зажёл свет на площадке и начал мыть пол. Композитор медленно приближался.

– Здорово, Скрябин! – гаркнул Гришка, напористо протянув клешню. – Наконец вижу живого классика близко!

Тип со шваброй был явно «под мухой». Композитор срочно пожал протянутую руку и скрылся за дверью, опасаясь долгой беседы.

Минут через пятнадцать раздался звонок. Композитор не открывал. Он привык к непрошеным гостям: позвонят-постучат да и перестанут. Припечатанный толстым Гришкиным пальцем звонок не умолкал. Композитор робко приоткрыл дверь, уткнувшись взглядом в хмельного соседа.

– 3-заходи!..

Широким взмахом сосед очертил параболу через площадку к своей двери и повёл учтивого Композитора за собой. С опущенной головой и сложенными сзади руками Композитор переступил через соседский порог.

Аккуратненькая фатерка смотрела на Композитора чистенькой комнаткой, модной евро-кухней. Подогрев полов приятно утешал. Камеры наблюдения надёжно следили за каждым уголком коридора. На кухонном столике стояла початая бутылочка прозрачного Эликсира.

– Тебя как звать, Чайковский?

– Петя, – ответил Композитор. – Может, даже Ильич...

– Ишь ты! Надо же... А меня – Лёха или Гришка.

– Два имени? Как у композиторов! Иоганн Себастьян...

Вместо ответа Лёша-Гриша вручил вежливому «Чайковскому» железную кружку, открыл ванную и показал зачер-

пывающим жестом на алюминиевый таз, в котором «доходило до кондиции» какое-то варево, похожее на перекисший виноград.

– Ну чё, Скрябин? За Композиторов!

Брезгливый Скрябин насторожился...

– Не бойсь – не отравишься! Композитор – святое дело!.. Охранник я из «Копейки»! Мои предки тоже оберегали людей. Прапрадед Григорий, Царство небесное, Царя с семьёй стерёг, во как! Был он ему и матушкой, и батюшкой, и судьбу предсказывал, и беду с печалью отводил...

– И что, уберёг? – спросил Композитор.

– Не уберёг... Сперва его не уберегли... Спровадили со свету интеллигенты-очкарики, и царь без защиты остался с семейством... Щас я охраняю вас всех! – со значением подытожил Гришка. – Без меня в доме никто шагу не ступит... Может, сыграешь чего? Я тоже фортепьянствовал когда-то в кружке! А нынче вот гитарку практикую, когда на отдыхе. Места нет для ящика-то...

– Не играю я на гитаре, – покраснел Скрябин. – Могу предложить Шуберта «Неоконченную» послушать с хорошим оркестром.

Пока слушали симфонию, Гришка рассказал, как после службы армейской изготовлял печати. Хороший барыш карман не тянет! Однако перегнул палку: слишком часто поддельные кружочки ставил... Генеральной прокуратуры! Обиделся Прокурор, но, к счастью, только условно срок дал.

Прежние заслуги в защите Отечества выручили.

– Не пойму я вас, мудаков! – Грязный Гришкин ноготь раздавил «Неоконченную», нажав «стоп» на проигрывателе. – Не это народу щас надо!

– А что же ему надо? Народу? – расстроился Скрябин.

– Устаёт народ нынче! Уж больно жисть тяжела! Беречь его надо!

– Беречь? – удивился Скрябин. – От Жизни? Это же самая главная сказка на свете!

– Вот ещё! Кто щас в сказки-то верит? Я чё, debil? Или Штраус какой-нить? – возмутился Гришка. – Я Реальный Волшебник! Не веришь?

– Почему не верю? Я ведь тоже Волшебник! – разгорячился подвыпивший Скрябин. – Только пространства и звука. Наша жизнь – сплошная фантасмагория. Она непредсказуема. Здравым рассудком её бывает трудно принять. Но приходится. Всё, что сейчас происходит в мире, не приснилось нам. А как, по-твоему, зовут самого Великого Сказочника на свете?

– Опять жисть, что ли? – усмехнулся Гришка.

– Правильно догадался. Конечно, Жизнь. А ещё есть Смерть – тоже Большой Сказочник, который в своё время расскажет нам суровую сказку и подытожит нашу судьбу...

– Фуфло всё это! – сплюнул Гришка. – Что ты могёшь о смерти-то знать, Чайковский?.. Послушай лучше.

Вскинув гитару наперевес, Гришка начал выстреливать

песни, завывая хриплым голосом. Короткие мотивы автоматными очередями безжалостно лупили в Чайковского:

Я композитор из народа,
Иду нехоженой тропой!
Не жду я милости природы,
Возьму «своё» любой ценой!

Я выживаю как умею.
Не стойте, суки, на пути!
Сниму не скоро португепю,
Врагу от пули не уйти!

– Эту из Афгана привёз. Дружбан у меня там был, земля ему пухом. Всё стихи сочинял, а я – музыку. Вот ещё... куплеты в гишпанском штиле, как мой дед выражался. «Похмелье» называются:

Меня посетило похмелье:
Взглянуло нерадостным глазом,
Болотным дохнуло зельем
И стало хрипеть серенаду.

Угрюмы испанские ритмы,
Когда в дыму перегарном
Находишь лишь пятый угол
И тупо пляшешь фанданго.

Сплясать бы мне лучше качучу
И сбросить похмелья заразу,
Но эта гнусная тётка
Покинет беднягу не сразу

Придётся лететь за снегом,
Валяться в сугробах летом
И не искать ответов
В стаканах гранёных вопросов.

Колбаску порежем тонко,
Закусим и прослезимся.
На то оно и похмелье,
Чтоб снова опохмелиться.

Стихи Чайковскому показались забавными, но от музыки и самогона его мутило. Из углов квартиры выглянули чьи-то глумливые рожи. Чайковский потряс головой – рожи исчезли. Но тут он побелел от ужаса. Над ним во весь рост возвышался Гришка в кафтане стражника с распутинской бородой и с секирой в ручищах. Гришка криво ухмыльнулся, занёс секиру и...

...Композитор пришёл в чувство. Родные стены успокаивали. Утренние лучи упали на нотный лист. Нотные знаки зашевелились. Вдруг они превратились в ласточек, подхватили Композитора и стали кружить с ним по комнате. Ворвались ликующие, радостные звуки. Новая Музыка величественно входила в мир.

– Как я ждал этой минуты! – воскликнул Композитор. – Улететь... улететь отсюда прочь! Туда, где нет Гришкиного дома! Где нет ничего, кроме Музыки. Унесите меня за Океан, к сияющему Берегу, к Чайковскому, к Скрябину...

Резкий звонок прервал полёт. Поникший Композитор пополёлся к дверям.

– Здорово, Чайковский! Выходной у меня – принимай друга! Слабоват ты вчера оказался, паря... А я опохмелку принёс, стаканы тащи!

Павел Елисеев

Родился в 1965 году в городе Новополоцке (Белоруссия).

В 1982 году окончил среднюю школу. Получил специальное техническое образование в области нефтепереработки, работал оператором технологических установок на нефтеперерабатывающем заводе города Новополоцка.

Женат, имеет двоих детей и внуку.

С 1991 года занялся творческой (композиторской) деятельностью. Издавался под псевдонимом Paul Lisse. Работал в жанрах инструментальной, электронной, джазовой и поп-музыки.

Изданные CD: Motivation – 1999 г., Lift up to floor 110 – 2003 г., Le cafe du soir – Band – 2005 г., Le cafe du soir – Piano – 2006 г.

К поэтическому творчеству обратился в 2005 году, когда находился в Париже, где и были написаны одни из первых стихов.

Имел свой небольшой бизнес в Европе и России.

С 2019 года начал заниматься поэзией основательно.

На данный момент написано более восьмисот стихов и поэма.

В ближайшее время планируется издание сборника стихов и его электронная версия.

Рожь

Разлилася по полю поспевшая,
Золотая рожь – прям у реки.
Ветром глажена, ливнем умытая
Раскидала свои колоски.
Наклонилася, словно приветствует,
Нежным шелестом сладко поёт,
Сказкой доброю, музою светлою,
И по сердцу, и в душу – плетёт!

«Цвета спелой ржи» – так называется
С солнца ряженный ею наряд.
Будто девица всем улыбается,
Кто на поле бросает ей взгляд.
Полюбиешься – и станет радостно,
Забывается сразу печаль.
Оттого так люблю тебя, милая,
Когда вижу под золотом даль!

Мыслью смелою видится, верится,
Песней вольною хочется петь!
Всей строкой, с глубины слова, делится,
Когда рядом с тобою я, здесь!
И руками простор обнимается,
И кричать хочется: «Я живой!»
До чего же ты, рожь златоперая,

Хороша и красива собой!

Напой меня радостью Божьею,
Душу золотом чистым раскрась.
Успокой мои нервы шалёные,
Чтобы грудью вдохнуть Благодать!
Чтобы сердце забилося младенчески
И поверилось в завтрашний день!
Чтобы Музой небесной по вечности
Пролетела строки моей тень!

Как по травушке да по зелёной...

Как по травушке да по зелёной,
По росе с утра босой ногой,
Потеряюсь в пелене тумана,
Воздохнув чарующей тоской.
Заблужусь, на руку видя, в поле,
Растерявшись, прокричу: «Ау...»
Облачившись детскою мечтою,
Вновь поверю, что ещё смогу!

Уловлю в тиши молочной дали
Лай собачий где-то вдалеке
И пойду, почти на ощупь глядя,
Камень злобы не неся в руке
Заблужусь наивно и блаженно,
Перепутав запад и восток,
И, скитаясь в поиске дороги,
Отыщу свой аленький цветок.

Обласкаю его очень нежно,
Рвать не буду, пусть себе растёт,
Может, он, своей дивной красой,
В мир безумства счастья принесёт!
Попрошу его, а вдруг он сможет,
Пару лет десятков сбросить вспять!
Ну а нет, пойду своей дорогой,

По туману спелому блуждать!

Пусть на время, на совсем немного,
Позабудусь в пелене благой,
Растяну мгновение подольше,
Принимая сердцем мир земной
Отыщу забытое в тумане,
Окунусь в наивности былой,
Вспомнив, как светла была дорога,
Когда жилось с чистою душой.

Обещай, что меня не полюбишь...

Обещай, что меня не полюбишь!
Обещай, что не будешь страдать!
Этот строченный мир не разрушишь,
Не заставишь меня тебе лгать!
Мы чужие – так было и будет,
Мы все разные – просто пойми!
По дороге, где мы с тобой рядом,
Разбросать может наши пути.

Не желаю в твоём сердце боли,
Не хочу видеть слёзы в тиши,
Мы на время друг с другом, не боле,
Коротаем безликие дни!
Поздно что-то менять в этой жизни,
Перемен не увидеть, поверь,
Через призму развёрнутой мысли
Не откроется нам к счастью дверь.

Жизнь смочь поменять не позволит,
Прошрое не отпустят года.
Дети, внуки – у каждого доля,
За спиной, по дороге – своя!
Для эмоций желанных нет места,
Не ищи пламя жгучей любви!
Права нам не дано менять жизнь

И сжигать за собою мосты!

Весна, шагнувшая апрелем...

Весна, шагнувшая апрелем
В дыханье чистоты небес,
Волнисто стелет облаками,
Полня эфиром спящий лес.
Деревьев кроны в полудрёме,
То ли проснулись, то ли спят,
Дрожа под ветерком холёным,
Ветвями голыми шуршат.

Запели птицы утром ранним,
Надеждой душу теребя,
Вот-вот придёт тепло, желанным
Лаская, в светлой музе дня.
Наполнив липким ароматом,
Пахучим мёдом разливным,
Сплетутся почки в ожерелья,
Бросая взгляду кружевным.

Ещё чуть-чуть, ещё немного,
Дивясь, проснётся мошकारа.
Расправив зеленью в просторах,
Шагнёт широко к нам весна!
Прогреется лучами солнца,
От края в край, на гладь земли,
Даря в дыхании чудесном

Период жизненный – в любви!

Я люблю тебя

Тихо, душу пробуждая,
В бесконечной суете
Ты шепнула, восторгая
Мою мысль, в тишине.
Сладким словом через сердце
Пронеслось сном наяву,
Подарив надежду снова:
«Милый, я тебя люблю!»

И все смуты бурь душевных,
Веющих в порывах злых,
Перестали неустанно
Рвать на поприщах земных.
Приклонившись на колено,
Вдох глубоким тебя,
Пронеслось моим ответом:
«Милая, люблю тебя!»

В этих трёх словах волшебных,
Снизошедших из небес,
Озарилась светом чистым
Божья образность чудес.
Лучезарным засияла
Под осмысленный мотив
Муза, песней окрылённой

Над безликим воспарив.

Любовь – это совершенство
Смысла жизни во плоти!
В трёх словах зияет вечность,
И свет виден впереди!
И душа летит над миром,
И горит твоя свеча,
Когда слышишь ты, взаимно,
Слово: «Я люблю тебя!»

Подснежник

Прояснило в небе синем,
Поступью идёт весна,
И природа так лоснится,
Как невеста – хороша!
Где-то там, под ярким солнцем
На опушке и в лесу,
Выскочил подснежник милый,
Показать свою красу!

Ты, подснежник, начинаешь
Первым по лесу гулять,
После стужи и морозов,
Всё и всех там пробуждать.
И твоим цветущим белым,
Цветом праздника весны,
Заливает ярко солнце
Лучом в пламенной любви!

Друг лесной мой, молчаливый,
С пеньем первых птиц весны,
Подскажи мне, по секрету,
Как мне счастье обрести?
Чтоб оно было белёсым,
Как твои все лепестки,
И весну всегда встречало

Радуя в грядущем дни!

Тенью в тело вцепилась безликость...

Тенью в тело вцепилась безликость
Над остаточным в жизни моей.
Расстелила не Божия милость
Над погостом истлевших страстей.
Предзакатным поёт горизонту,
Настроение пало под ноль,
И здоровье, слетевшее к чёрту,
По суставам рассыпало соль.

Крепкий сон потерялся, забылся,
И бессонница, словно жена.
Лень навеела мысли туманом,
Обласкав безысходностью дня.
Обречённость в пути безызвестном,
Бросив в ноги терновый венец,
Тянет мысли в своём бесконечном,
И готов с дуба тёсанный крест.

Не смей смеяться...

Не смей смеяться над наивным,
Тем, что ты в жизни потерял,
Искренним, честным и нелживым,
Над тем, что хитрым он не стал.
Над его верой окрылённой,
Что этот мир не так жесток,
Во взгляде – правдой отражённой,
Наивность – это не порок.

Не смейся над умалишённым,
Его невинною душой.
Над разумом его, сражённым
Недугом, льющим сатаной.
Ты знать не можешь, что случилось,
И через что пришлось пройти,
И почему так получилось
На его жизненном пути.

Не смей смеяться над влюблённым,
Над его чувством во плоти,
Над тем, что сердце принимает
Любовь от Бога, не от тьмы.
Не можешь знать ты совершенство,
И тела красота – не всё,
Что надо в жизни человеку,

Душа – это любви зерно!

Стоя на грани сумасшествия...

Стоя на грани сумасшествия
И в обе стороны смотря,
Не понимаю, где возмездие,
А где желанного стезя.
И там, и там – букеты алые
В сплетеньях вычурных корзин,
И в мыслях нет предубеждения,
Как и для радости причин!

Куда мне дальше в безрассудности,
Доставшейся на склоне лет,
И с совестью, ложью клеймённою
Когда стал близким другом бред!
Звуком растрёпанным в дыхании,
Стоном глубоким из груди,
Найдётся ль место покаянию
Для бренной, страждущей души.

Стою в раздумье безысходности,
Смотрю по обе стороны:
Без страсти, без любви, без гордости,
Всё позабылось позади.
Бессилье, на плечо мне севшее,
Больше не шепчет ничего.
Куда идти, в какую сторону,

Когда всё стало... всё равно!

Завяли розы белые, завяли...

Завяли розы белые, завяли...
Сух стебель стал, и листья повело.
Бутоны пожелтели, жить устали,
Словно шепнули: «Нам всё – всё равно...»
Им ни жара, ни холод – безразличье
Для плоти белых роз во всём и вся,
И красота потеряна, как мысль,
Бездушной стала – плоть цветов мертва.

Стоят уныло в вазе, покосились,
Нет аромата сказочного в них,
Та радость, что над ними расцветала,
Здесь больше не зияет, не парит.
И этим видом скорби совершенства
Вечность, бросая взгляду, говорит:
«Придёт и твой черёд, тот миг блаженства,
Когда душа над телом воспарит!»

Ночь зажгла фонари...

Ночь зажгла фонари,
Улицы опустели.
Птиц не слышно вдали,
Тела мнутя в постели.
Комарьё-вороньё
Хочет крови напиться.
Отпустила жара,
Почему-то не спится!

Одиноки шаги,
Каблуки по асфальту.
Пьяный голос в тиши
С песней, не по стандарту.
Бледно светит луна,
В окна смотрит уныло,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.